

18+

Илья Игин

История патриотического воспитания в России

От первых царей до
1917 года

Илья Игин

**История патриотического
воспитания в России.
От первых царей до 1917 года**

«Издательские решения»

Игин И.

История патриотического воспитания в России. От первых царей до 1917 года / И. Игин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696515-7

Патриотическое воспитание в России имеет глубокие исторические корни и традиции, которые формировались под влиянием православной веры, самодержавной государственности и народных идеалов служения Отечеству. Предлагаемый план данной книги охватывает период от возникновения централизованного государства до крушения Российской империи, позволяя проследить эволюцию воспитательных идеалов и практик.

ISBN 978-5-00-696515-7

© Игин И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Патриотизм как национальная идея России: историческая преемственность и актуальность темы	6
Глава 2. Источники изучения патриотического воспитания в России (XVI – начало XX века)	9
Глава 3. Источники изучения темы	12
Раздел I. Истоки и формирование идеи служения Отечеству в Московском царстве (XVI—XVII века)	15
Глава 1. Православные основы патриотического воспитания	16
1.1. Роль церкви в формировании идеи «Святой Руси» и защиты православной веры	16
1.2. «Домострой» как свод нравственных правил и его воспитательное значение	18
1.3. Жития святых и почитание национальных героев: Александр Невский и Дмитрий Донской	20
Глава 2. Государственная идеология и воспитание подданных при первых Романовых	22
Глава 2.1. Идея «Москва – Третий Рим» в патриотическом воспитании	22
Глава 2.2. Значение Стоглавого собора (1551 г.) и развитие образования при монастырях	24
Глава 2.3. Славяно-греко-латинская академия как первый центр духовно-нравственного и патриотического просвещения	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

История патриотического воспитания в России От первых царей до 1917 года

Илья Игин

© Илья Игин, 2026

ISBN 978-5-0069-6515-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Патриотизм как национальная идея России: историческая преемственность и актуальность темы

Введение

Патриотизм в России – явление, обладающее уникальной глубиной и исторической преемственностью. В отличие от многих западных стран, где формирование наций-государств происходило в русле либеральных и революционных идей, в России чувство любви к Родине складывалось под влиянием трех мощных сил: **православной веры**, идеи **самодержавной государственности** и **народных идеалов служения Отечеству**. Эти три компонента, впервые сформулированные в XIX веке как официальная триада «Православие, Самодержавие, Народность», стали не просто политическим лозунгом, а смысловым кодом нации, определившим вектор воспитания гражданина на века.

Актуальность обращения к истокам патриотической традиции сегодня продиктована необходимостью понять, почему такие ценности, как жертвенность, соборность и верность государству, остаются фундаментом российской цивилизации. Современная формула «духовность, суверенность, самобытность» является прямым продолжением тех идеологических основ, которые закладывались ещё в Древней Руси и оттачивались в императорский период.

1.1. Истоки формирования патриотической традиции в Древней Руси

Зарождение патриотического сознания на Руси неразрывно связано с принятием христианства и необходимостью защиты родной земли. Геополитическое положение страны – открытые равнины, отсутствие естественных преград – постоянно подвергало её жителей опасности нашествий. Это сформировало особый тип мировосприятия, где «продолжение жизни» напрямую зависело от способности дать отпор врагу.

Первые литературные памятники – «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повесть временных лет» Нестора, «Слово о полку Игореве» – заложили основу понимания Русской земли как единого целого, за которое нужно стоять «живот свой не щадя». Само понятие «патриот» появилось в лексиконе позже, однако идея «отечестволюбия» была ярко выражена уже в XIV веке. Именно так – «отечестволюбом» – летописцы называли тверского князя Михаила, впервые применив к человеку эту высокую нравственную характеристику.

Народный эпос того времени – былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче – воспитывал в народе образ героя-охранителя, мудрого и справедливого, для которого защита Отечества является высшим долгом. Таким образом, задолго до появления централизованного государства на Руси сформировался культурный код патриотизма, базирующийся на православных идеалах жертвенности и общинности.

1.2. Концептуализация идеи служения: от Московского царства к империи Петра I

С объединением русских земель вокруг Москвы и формированием единого государства патриотизм приобретает новое измерение – государственное. Особую роль в этот период сыграла доктрина «**Москва – Третий Рим**», сформулированная монахом Филофеем. Эта концепция утверждала преемственность России от Византии, делая её не просто независимым государством, а оплотом истинного христианства и центром притяжения для всех православных народов. Мессианская роль России становилась частью национальной идентичности.

Переломным моментом в развитии патриотической идеи стала Смута начала XVII века. Именно в момент крушения государственности патриотизм проявил себя как всенародная сила. Призыв Кузьмы Минина: «Не пощадим животов своих, чтобы избавить Москву и всю Русь от иноземцев и басурманов» – стал ярчайшим примером того, как религиозное чувство

и земское единение привели к созданию народного ополчения. Подвиг Минина и Пожарского на века стал образцом гражданского служения, выходящего за рамки сословных интересов.

Новый этап осмысления патриотизма наступает при Петре I. В это время в обиход входит само слово «патриот». В речах и письмах Петра Великого, в частности, перед Полтавской битвой, понятие «патриот» наполняется конкретным содержанием – это человек, служащий Отечеству не за страх, а за совесть, ставящий государственные интересы выше личных. Примечательно, что в письмах царевича Алексея также встречается этот термин, что свидетельствует о его распространении в высших кругах. Петровская эпоха с её идеей регулярного государства и служения всех сословий «общему благу» подготовила почву для окончательного оформления национальной идеологии.

1.3. Формула русской идентичности: Православие, Самодержавие, Народность

Наиболее четкое и системное выражение идея патриотизма получила в XIX веке, в период правления императора Николая I. В 1832—1833 годах министр народного просвещения граф Сергей Семёнович Уваров сформулировал знаменитую триаду: «**Православие, Самодержавие, Народность**». Эта формула стала не просто идеологией официальной народности, а глубокой мировоззренческой основой, определившей специфику российского патриотизма вплоть до 1917 года.

– **Православие** выступало как духовная основа жизни русского человека. Оно формировало такие качества, как соборность (духовная общность), жертвенность, милосердие и совесть. Ф. М. Достоевский позже точно выразил эту связь: «Кто не православный, тот не может быть русским». Православие давало нравственную санкцию государственной власти и объединяло народ на основе общих святынь.

– **Самодержавие** рассматривалось как гарант политической независимости и внутренней стабильности. В сознании подданных монарх был не просто правителем, а «отцом», помазанником Божиим, который олицетворял собой судьбу страны. Верность царю приравнивалась к верности Родине.

– **Народность (Национальность)** означала уважение к собственным корням, культуре, языку и истории. Эта часть триады предполагала воспитание в человеке чувства органической связи с жизнью предков, с традициями и укладом русского народа.

Эта триада дала ответ на вызовы времени, противопоставив западноевропейским революционным идеям (свобода, равенство, братство) исконно русские начала. В дальнейшем русские мыслители, такие как **Н. М. Карамзин, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, К. Д. Ушинский**, развивали идеи патриотизма в своих трудах, акцентируя внимание на его нравственной природе. Карамзин видел в патриотизме проявление любви человека к человечеству, но укорененное в любви к своему Отечеству. Чернышевский же утверждал деятельную природу патриотизма: «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине».

1.4. Патриотическое воспитание в педагогической мысли дореволюционной России

В XIX веке проблема воспитания патриота заняла центральное место в русской педагогике. Мыслители искали ответ на вопрос, как сформировать «истинного сына Отечества».

Константин Дмитриевич Ушинский, основоположник научной педагогики в России, считал, что фундамент патриотизма закладывается в семье. Однако, с горечью отмечал он, семейное воспитание часто ориентировано на личный успех, а не на служение обществу. Поэтому школа должна взять на себя миссию формирования «народности» в образовании. Ушинский призывал сделать русские школы подлинно русскими, чтобы молодые люди не чувствовали себя «иностранцами посреди своей родины». По его мнению, патриотизм – это не только готовность к битве с врагом, но и способность «высказать смелое слово истины» на благо Отечества.

Василий Иванович Водовозов рассматривал патриотизм как неотъемлемую часть нравственного воспитания. **Николай Гаврилович Чернышевский**, в свою очередь, подчеркивал важность развития «разумного эгоизма», при котором личное счастье человека неразрывно связано с благом общества и Родины. Он утверждал, что исключение «гражданских мотивов» из круга интересов человека ведет к духовной деградации и мелочной суете.

Николай Александрович Добролюбов предложил интересную концепцию развития патриотизма: от инстинктивной любви к «родным полям и местам» (локальный патриотизм) до осознанного служения общенациональным и государственным интересам, с пониманием как достоинств, так и недостатков своей страны.

Общей чертой всех этих подходов было понимание того, что патриотизм – это не просто абстрактная любовь, а деятельная сила, направленная на благоустройство и защиту Родины.

Заключение к главе

Таким образом, к началу XX века в России сложилась мощная и многослойная традиция патриотического воспитания. Она включала в себя:

- **Духовную основу** (Православие с его идеалами жертвенности и соборности);
- **Политическую основу** (Самодержавие как гарант суверенитета);
- **Культурно-историческую основу** (Народность и уважение к своим корням);
- **Педагогическую традицию** (разработку методик воспитания гражданина).

Эта традиция была не умозрительной, а выстраданной в веках борьбы за независимость и государственное единство. Она доказала свою жизнеспособность в годы тяжелейших испытаний. Изучение этого исторического опыта необходимо для понимания того, как формируется национальный характер и на каких основаниях можно строить воспитание гражданина в современной России.

Список рекомендуемой литературы:

- Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв.
- Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании.
- Труды Н. М. Карамзина, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского о гражданском воспитании.

Глава 2. Источники изучения патриотического воспитания в России (XVI – начало XX века)

Введение

Изучение истории патриотического воспитания невозможно без обращения к комплексу исторических источников. Каждый тип документов позволяет увидеть проблему с определенной стороны: законодательные акты фиксируют государственный заказ и идеалы подданного, педагогические труды раскрывают методику формирования этих идеалов, мемуары передают живое чувство современников, а художественная литература становится одновременно и отражением патриотического дискурса, и инструментом его формирования. В данной главе представлен обзор основных групп источников по истории патриотического воспитания в России с допетровской эпохи до 1917 года.

2.1. Законодательные акты и документы государственной политики

Законодательные источники позволяют реконструировать официальные представления о том, каким должен быть верноподданный и защитник Отечества. В допетровский период ключевым документом, регулировавшим не только семейный уклад, но и мировоззрение человека, был «**Домострой**» (XVI в.). Как отмечают исследователи, этот источник закрепил доминирующее влияние православия на формирование правовой культуры и нравственности, где законопослушное поведение напрямую увязывалось со страхом Божиим и служением Богу.

С началом имперского периода государство берет на себя функцию главного субъекта воспитания. Петровские реформы потребовали нового человека – образованного, деятельного и преданного не столько патриархальной традиции, сколько государству. Важнейшим источником этой эпохи являются воинские уставы. Например, «**Устав воинский**» **Петра I (1716 г.)** не просто свод правил, но и моральный кодекс, требовавший от солдата и офицера защиты «живота своего за Отечество».

В XVIII—XIX веках воспитательная функция государства закрепляется в указах, манифестах и документах, регламентирующих деятельность учебных заведений. Особое место занимают манифесты, сопровождавшие важнейшие исторические события. Ярким примером является документ, связанный с попыткой Наполеона начать мирные переговоры в 1812 году. Император Александр I оставил письмо французского императора без ответа, и этот факт, зафиксированный в документах С. М. Горянова, стал мощным патриотическим сигналом для армии и общества.

В сфере образования показательными документами являются уставы учебных заведений. Так, уставы кадетских корпусов, Пажеского корпуса формулировали цель воспитания – подготовить не просто офицера, а верного слугу престолу, для которого понятия «честь», «Отечество» и «вера» были неразрывны. К концу XIX века усиливается внимание к изучению собственной страны, что нашло отражение в организации государственных экспедиций, таких как этнографическая экспедиция Морского министерства под патронажем великого князя Константина Николаевича в 1855 году, целью которой было изучение «русской народности».

2.2. Педагогические труды и публицистика

Педагогическая мысль России развивалась в тесной связи с государственной политикой, но часто предлагала собственное осмысление патриотизма. В XVIII веке вопросы воспитания «новой породы людей» поднимались в трудах **И. И. Бецкого**, видевшего цель воспитания в создании сословия образованных и добродетельных граждан.

XIX век стал временем расцвета педагогической публицистики, где патриотизм обсуждался как научная и философская категория. Ключевой фигурой является **К. Д. Ушинский** – основоположник научной педагогики в России. В своих работах он развивал идею народности

в воспитании, доказывая, что система образования должна строиться с учетом национального характера, родного языка и культуры. Патриотизм, по Ушинскому, – это не абстрактное чувство, а глубокая связь с родной землей, формируемая через изучение отечественной истории и географии.

Большой вклад в осмысление темы внесли представители общественно-педагогического движения – западники и славянофилы. Однако патриотическая тема звучала не только в специальной педагогической литературе, но и в публицистике. **Н. М. Карамзин** в «Записке о древней и новой России» и других произведениях сформулировал идеал гражданина, для которого любовь к Отечеству неотделима от любви к самодержавию. Революционно-демократическая мысль в лице **В. Г. Белинского**, **Н. Г. Чернышевского** предлагала иную трактовку патриотизма – как деятельной любви к народу и борьбы за его освобождение от крепостничества, что также находило отражение в педагогических дискуссиях.

2.3. Мемуары, дневники и записки современников

Мемуарная литература является ценнейшим источником, позволяющим увидеть, как официальные патриотические установки преломлялись в личном сознании людей, как формировалась историческая память поколений.

Одними из самых ярких источников по истории патриотического чувства являются воспоминания героев Отечественной войны 1812 года. «**Записки**» генерала **А. П. Ермолова**, изданные в 1863 году, отличаются не только документальной точностью описания сражений, но и глубокими размышлениями о роли полководцев и судьбе России. Ермолов, по отзывам современников, был не просто военным, но «преданным патриотом, горячо любившим Россию». Его записки передают атмосферу всеобщего патриотического подъема.

Не менее значимы «**Дневник партизанских действий 1812 года**» **Д. В. Давыдова**, ставший гимном народной войне, и «**Записки**» **С. Г. Волконского**. Мемуары Волконского уникальны тем, что принадлежат перу человека, прошедшего путь от героя войны до государственного преступника-декабриста. Его описание оставления Москвы – «Кровь кипела во мне... билось сердце за Москву, но и билось также надеждою, что Россия не в одной Москве» – передает сложную гамму чувств русского офицера, где личное горе сливается с верой в народ и Отечество.

Источником по воспитанию будущих защитников России служат мемуары воспитанников военных училищ. Сборник «**Кадеты, гардемарины, юнкера**» содержит воспоминания о том, как в стенах закрытых учебных заведений XIX века формировался корпоративный дух, понятия чести и долга, как традиции передавались от старших курсов к младшим.

Ценны и воспоминания иностранцев о России, которые, несмотря на субъективность, фиксируют важные черты национального характера. Например, «**Записки о России**» генерала **Х.-Г. Манштейна** (XVIII в.) дают взгляд со стороны на русскую армию и придворное общество, позволяя увидеть особенности восприятия патриотизма в России того времени.

2.4. Художественная литература как источник и инструмент воспитания

Художественная литература в России XIX века выполняла особую миссию – она была «учебником жизни» и важнейшим каналом трансляции патриотических идей. Произведения русских писателей не только отражали патриотические настроения, но и активно формировали их у читающей публики.

Центральное место здесь занимает творчество **А. С. Пушкина**. Его стихотворения («Клеветникам России», «Бородинская годовщина»), историческая проза («Капитанская дочка») и публицистика стали эталоном патриотического высказывания. Пушкин не был казенным патриотом; его любовь к России – это сложное, рефлексивное чувство, включающее и критику, и гордость, что делало его особенно убедительным для современников. Как отмечают исследователи, тема истории и патриотизма в его творчестве тесно переплетена с политическими убеждениями поэта.

Исторические романы XIX века выполняли просветительскую функцию. Хотя многие известные сегодня романы (например, «Петр I» А. Толстого) написаны позже, в дореволюционной литературе было создано множество произведений, посвященных ключевым событиям русской истории – от Александра Невского до Отечественной войны 1812 года. Они формировали в массовом сознании галерею героев, достойных подражания.

Особую роль в середине XIX века сыграла «народная беллетристика» – очерки и драмы из крестьянского быта. Писатели, такие как **А. Ф. Писемский** и **А. А. Потехин**, создавали образы простых крестьян, чей патриотизм проявляется не в громких словах, а в повседневном труде, стойкости и верности традициям. Эти произведения, как показано в современных исследованиях, активно продвигались при дворе великого князя Константина Николаевича, так как отвечали запросу на «национализацию» культуры и воспитание чувства единства народа и власти.

Глава 3. Источники изучения темы

Любое глубокое исследование исторического процесса, а тем более такого сложного и многоаспектного явления, как патриотическое воспитание, требует четкого понимания того, на каких источниках оно базируется, какова структура его изучения и какие цели при этом ставятся. Данная глава носит методологический характер. Её задача – не только перечислить документы и труды, которые лежат в основе наших знаний о патриотических традициях России, но и объяснить логику построения самого учебного курса. Понимание структуры и задач курса позволяет читателю не механически усваивать факты, а осмысленно проследить эволюцию идей служения, верности и любви к Отечеству от эпохи первых царей до крушения Российской империи.

3.1. Источниковая база курса: голоса эпохи

При изучении истории патриотического воспитания исследователь сталкивается с широким спектром исторических источников. Их можно разделить на несколько основных групп, каждая из которых позволяет услышать «голос эпохи» и понять, как формировались идеалы служения Отечеству.

Первую и важнейшую группу составляют **официальные государственные и церковные документы**. Это законодательные акты, манифесты, уставы учебных заведений, указы императоров и постановления Святейшего Синода. Именно в них впервые формулируется государственный заказ на воспитание верноподданного и защитника. Классическим примером является знаменитая триада графа С. С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», ставшая идеологической основой официальной линии патриотического воспитания в XIX веке. Изучение уставов гимназий, кадетских корпусов и народных училищ позволяет увидеть, как менялись требования к личности выпускника, какие предметы считались главными для формирования «сына Отечества» и какие методы обучения предписывались свыше.

Вторую группу составляют **труды выдающихся педагогов, философов и общественных деятелей**. Если официальные документы диктовали, «что» нужно воспитывать, то педагогическая мысль искала ответ на вопрос «как» это делать наиболее эффективно и с пользой для личности и общества. На рубеже XIX—XX веков формируется самобытная отечественная педагогическая школа, которая рассматривала воспитание как неотъемлемую часть образовательного процесса. Воззрения К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, В. И. Водовозова, В. Я. Стоюнина, П. Ф. Каптерева и многих других стали фундаментом, на котором строилась практика патриотического воспитания. Именно в их работах патриотизм перестает быть исключительно официальной доктриной и наполняется глубоким нравственным содержанием.

Например, **Константин Дмитриевич Ушинский** (1824—1870), основоположник научной педагогики в России, считал, что воспитывать молодое поколение необходимо в духе народности, то есть в русле национальных традиций, народного характера и культуры. Он писал: «Мы считаем выражением патриотизма и те проявления любви к родине, которые выражаются не в одних битвах с внешними врагами: высказать смелое слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю...». Ушинский с горечью отмечал, что в обществе часто происходит подмена ценностей, и призывал сделать русские школы подлинно русскими, чтобы перестать быть «иностранцами среди своей родины». Другой известный педагог, **Василий Иванович Водовозов** (1825—1886), рассматривал патриотическое воспитание как неотъемлемую часть нравственного, целью которого является подготовка полезных граждан, любящих Отечество и дело, которому служат.

Третью группу источников представляют **учебные книги, программы, наставления и пособия**. Именно они служили непосредственным инструментом воспитания. Анализ того, что читали и учили дети в XIX – начале XX века, дает бесценный материал для понимания

сути патриотического воспитания. Особое место здесь занимают учебники истории, словесности и географии. Педагоги прошлого справедливо полагали, что история, знакомя учеников с прошлым их отечества, закладывает в них основание сознательного отношения к настоящему и воспитывает «осмысленный патриотизм». Директор одной из петербургских гимназий К. А. Иванов подчеркивал: «Ни один русский человек... не должен вступать в жизнь без твердого знания русской истории... русская школа без русской истории не школа».

Наконец, четвертую группу составляют **историко-педагогические исследования советского и постсоветского периодов**. Хотя эти работы сами являются вторичными по отношению к источникам, их изучение важно для понимания историографии вопроса. Анализ того, как менялось отношение к дореволюционному опыту патриотического воспитания, позволяет избежать крайних оценок. Если советская историография часто характеризовала политику царского правительства в этой области как проявление «великорусского шовинизма», то современные исследователи стремятся к более объективному рассмотрению, подчеркивая ценность традиционных духовных основ.

3.2. Структура книги: от истоков к итогам

Предлагаемое исследование построено по проблемно-хронологическому принципу, что позволяет проследить зарождение, становление и трансформацию традиций патриотического воспитания в контексте развития российской государственности. Логика подчинена раскрытию того, как триада «Православие, Самодержавие, Народность» наполнялась реальным содержанием в разные исторические эпохи.

Первый раздел – «Истоки: допетровская Русь» – посвящен рассмотрению патриотического идеала в Древней Руси и Московском царстве. Здесь мы обращаемся к житиям святых, летописным сказаниям (таким как «Повесть временных лет» и «Слово о погибели Русской земли»), воинским повестям. Главная задача этого раздела – показать, что идея служения Отечеству изначально была неразрывно связана с православной верой и защитой святынь. Образ князя-воина, защитника земли Русской (от св. Владимира и Ярослава Мудрого до св. Александра Невского и Дмитрия Донского), становится первым и самым ярким примером для подражания.

Второй раздел – «Становление имперского патриотизма (XVIII век)» – анализирует изменения, произошедшие в эпоху петровских преобразований. В это время акцент смещается на служение государству и «общей пользе». Патриотизм приобретает более светские черты, но не теряет своей духовной основы. Изучаются такие явления, как создание регулярной армии и флота, учреждение первых светских школ, развитие идеи «регулярного» государства, которому служат все сословия. Важнейшими источниками здесь выступают «Юности честное зеркало», Духовный регламент, указы Петра I и труды первых русских просветителей, таких как В. Н. Татищев, который уже тогда называл русскую историю «одной из нужнейших наук».

Третий раздел – «Золотой век патриотического воспитания (первая половина – середина XIX века)». Этот раздел является центральным в курсе. Он подробно рассматривает эпоху, когда патриотическое воспитание стало осознанной государственной политикой, оформленной в «теорию официальной народности». В этот период, с одной стороны, происходит институционализация воспитания через уставы гимназий и университетов, а с другой – складывается понимание патриотизма как глубокого нравственного чувства в трудах Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, а затем и первых классиков русской педагогики.

Четвертый раздел – «На путях реформ и контрреформ (вторая половина XIX века)». Здесь рассматривается влияние Великих реформ Александра II на воспитательную сферу. Именно в это время, в 1860-е годы, проблема патриотизма заняла важное место в умах русских педагогов. В разделе анализируется дискуссия между сторонниками классического и реального образования, а также поиск новых, более живых и действенных методов воспитания гражданина, что нашло отражение в учебной и внеурочной работе.

Пятый раздел – «Патриотизм в эпоху потрясений (конец XIX – начало XX века)». Этот заключительный раздел посвящен сложному и противоречивому периоду, когда, с одной стороны, был достигнут высокий уровень развития педагогической мысли и практики (введение «родиноведения», ученических экскурсий, развитие благотворительности), а с другой – нарастали революционные настроения и кризис имперской идентичности. В рамках учебного процесса патриотическое воспитание по-прежнему осуществлялось преимущественно через преподавание истории и словесности, однако общественные организации и внеурочная работа (например, добровольчество и благотворительность) приобретали все большее значение.

3.3. Задачи книги

Главная задача книги – не просто дать читателю сумму знаний об исторических фактах, датах и именах, а сформировать целостное, объемное и критическое понимание феномена российского патриотизма как сложного культурно-исторического явления.

Первая задача – мировоззренческая. Книга призвана показать, что патриотизм в России всегда имел глубокие духовные корни, что он не сводился к казенному лозунгу, а был живым чувством, опиравшимся на православную веру, уважение к истории и культуре своего народа. Изучая наследие выдающихся педагогов, мы учимся отличать подлинный патриотизм – деятельный, созидательный, ответственный – от его суррогатов – квасного, агрессивного или показного.

Вторая задача – аналитическая. Книга учит работе с разнообразными историческими источниками. Читатель должен научиться видеть за строками официальных документов живую педагогическую реальность, а в мемуарах и дневниках – отголоски великих исторических процессов. Анализ эволюции понятия «патриотизм» позволяет понять, как менялись сами представления о долге и служении под влиянием социальных, политических и культурных факторов.

Третья задача – воспитательная. Изучая историю патриотического воспитания в дореволюционной России, мы неизбежно задумываемся о проблемах современности. Многие вопросы, волновавшие педагогов XIX века – о соотношении национального и общечеловеческого, о роли семьи и школы в воспитании гражданина, о методах формирования любви к Родине – остаются актуальными и сегодня. Знание исторического опыта, как успешного, так и ошибочного, помогает избежать многих ошибок в настоящем и найти прочную основу для воспитания будущих поколений россиян. Как отмечают современные исследователи, патриотическое воспитание в дореволюционной России базировалось на традиционных ценностях: исторической памяти, преемственности поколений, любви к Родине и ответственности за её судьбу. Возрождение и осмысление этих традиций является одной из ключевых задач современного исторического образования.

В заключение следует подчеркнуть, что данная книга не ставит своей целью идеализацию прошлого. Он призван дать объективную, научно обоснованную картину того, как веками формировался идеал служения Отечеству в России, чтобы на этой основе мы могли строить будущее, опираясь на лучшие достижения наших предков.

Раздел I. Истоки и формирование идеи служения Отечеству в Московском царстве (XVI—XVII века)

Глава 1. Православные основы патриотического воспитания

1.1. Роль церкви в формировании идеи «Святой Руси» и защиты православной веры

Патриотическое воспитание в России имеет глубокие исторические корни и традиции, которые формировались под влиянием трёх неразрывно связанных сил: православной веры, самодержавной государственности и народных идеалов служения Отечеству. Центральное место в этом триединстве занимала Церковь, которая не только окормляла паству, но и создавала духовно-нравственный фундамент, на котором веками строилась российская государственность и формировалось понятие Родины как святыни.

Истоки этой традиции восходят к Крещению Руси в 988 году. Выбор веры князем Владимиром стал цивилизационным выбором, определившим вектор развития страны на тысячелетие вперед. Как отмечают исследователи, принятие христианства из Византии приобщило Русь к богатейшей культуре и дало мощный импульс для объединения разрозненных племен в единый народ. Летописное предание о выборе веры подчеркивает эстетический и духовный критерий: послы князя Владимира, побывав на литургии в храме Святой Софии в Константинополе, не могли передать словами пережитое, восклицая: «Не вемы, на небе ли есмы были, ли на земли». Это момент рождения идеи о том, что Русская земля становится местом особого присутствия Божия.

Из этого восприятия родилась концепция «Святой Руси». Важно понимать, что это понятие изначально не было географическим или политическим, а являлось **духовным и метафизическим**. Как подчеркивает историк М. В. Дмитриев, «Святую Русь» среди иных пространств выделяет не география и не государственность, а православие. Это идеал Святой Руси как «Нового Израиля», как союза православных христиан, где святость является атрибутом не территории, а веры. А. В. Соловьев, один из первых исследователей этой идеи, писал, что зародыши этого понятия коренятся в глубокой древности, и уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (XI век) звучит мысль о том, что Русская земля наполнилась благодатью и истиной.

Церковь стала главным носителем и хранителем этой идеи. Она воспитывала паству на примерах святых, которые становились небесными покровителями Русской земли. Образы святых князей Бориса и Глеба, первыми принявших мученическую смерть не за политические амбиции, а за Христа, показали идеал жертвенной любви и непротивления злу, который стал архетипом русского страдания за веру. Позже, в эпоху татаро-монгольского ига, именно Церковь стала тем духовным стержнем, который поддержал народ в годину испытаний. Такие фигуры, как преподобный Сергей Радонежский, благословивший князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву, показали пример прямого участия Церкви в деле защиты Отечества, которое осмысливалось как защита «крестьян от поганых полков», то есть защита православной веры. Сама битва на поле Куликовом воспринималась как сакральное событие, где решалась судьба веры и народа.

В XVI веке идея «Святой Руси» обрела и политическое измерение, вобрав в себя концепцию «**Москва – Третий Рим**». Сформулированная старцем псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофеем, эта доктрина гласила, что после падения Византии (Второго Рима) русское православное царство остается единственным оплотом истинной веры во всем мире. В посланиях Филофея мы впервые встречаем и само выражение «святая Росия». Государство

стало восприниматься не просто как политический организм, а как сакральное пространство – «Третий Рим», а царь – как Помазанник Божий, чья священная обязанность – защищать Церковь и православный народ от внешних и внутренних врагов.

XVII век, время Смуты и церковного раскола, с одной стороны, показал хрупкость этого единства, а с другой – в очередной раз продемонстрировал роль Церкви как национальной объединяющей силы. Патриарх Гермоген стал духовным вождем сопротивления польско-литовским интервентам, рассылая грамоты с призывом к восстанию за веру и Отечество, за что принял мученическую смерть. Подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, заведшего польский отряд в непроходимые леса, стал народным символом жертвенной любви к царю, в котором народ видел гаранта существования «Святой Руси».

Синодальный период (XVIII – начало XX века) изменил форму взаимоотношений Церкви и государства, подчинив её императорской власти, но не упразднил её патриотической миссии. Согласно Своду законов Российской империи 1832 года, император объявлялся «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры». Церковь получила привилегированное, господствующее положение, а принадлежность к православию была неотъемлемой чертой русского национального самосознания. В государственной системе того времени, как пишет исследователь А. Ю. Бендин, государственные меры по охране чистоты веры в народе были логическим следствием государственной церковности.

В этот период патриотическое воспитание приобрело системный характер. Церковь была интегрирована в систему образования и армию. Военные священники (капелланы) наравне с офицерами давали присягу и воспитывали солдат в духе евангельской заповеди: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя». Именно на Руси появилось особое наименование для защитников Отчизны – «христолюбивое воинство». В кадетских корпусах обязательным было преподавание Закона Божия, а весь уклад жизни строился по православному календарю, формируя у будущих офицеров понимание воинского служения как служения священного, а своей Родины – как «Святой Руси».

К началу XX века понятие «Святая Русь» окончательно укоренилось в общественном и богословском дискурсе. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в своих проповедях предупреждал: если Россия отпадет от своей веры, «то не будешь уже Россией или Русью Святою, а сбродом всяких иноверцев». А архиепископ Аверкий (Таушев) объяснял, что Русь называлась Святой не потому, что все были безгрешны, а потому, что в каждом человеке «жил идеал христианской святости, как наивысший идеал, к которому человек должен стремиться».

Таким образом, на протяжении всей истории России от Крещения до революции 1917 года именно Православная Церковь выступала главным архитектором идеи «Святой Руси». Она создала духовную матрицу, в которой любовь к Родине была неотделима от любви к Богу, защита Отечества – от защиты веры, а служение царю – от служения Христу. Патриотизм, воспитанный Церковью, имел не агрессивный, а жертвенный и оборонительный характер, будучи направлен на сохранение святынь православной цивилизации.

1.2. «Домострой» как свод нравственных правил и его воспитательное значение

Формирование традиций патриотического воспитания в России невозможно представить без понимания основ внутренней, «домашней» жизни человека. До того, как воспитать гражданина и защитника Отечества, необходимо было воспитать члена семьи – «малой церкви», как называли её на Руси. Важнейшим памятником, запечатлевшим эту воспитательную модель, стал «Домострой» – уникальный свод правил и наставлений, определивший уклад жизни русского человека на столетия вперёд.

Исторический контекст и происхождение

«Домострой» (полное название – «Книга, называемая „Домострой“, содержащая в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину») окончательно оформился в середине XVI века. Его возникновение связано с эпохой укрепления Русского централизованного государства и потребностью в унификации не только церковных обрядов или законов (как это делал Судебник 1550 года), но и самих основ повседневной жизни. Предположительно, текст складывался в Новгороде на протяжении XV века, а в середине столетия был отредактирован сподвижником и духовником молодого царя Ивана IV, протопопом кремлёвского Благовещенского собора Сильвестром. Именно Сильвестр дополнил книгу поучением к своему сыну Анфиму, придав ей характер завета, передаваемого от поколения к поколению.

Структура и триединая задача воспитания

Структура «Домостроя» отражает иерархию ценностей средневекового русского общества. Он делится на три части, соответствующие трем сферам бытия: «О духовном строении» (религиозно-нравственные основы), «О мирском строении» (взаимоотношения в семье) и «О домовном строении» (хозяйственно-экономическая жизнь).

Эта структура определяла и задачи воспитания:

– **Духовно-нравственное воспитание:** Первая и главная задача – «страх Божий», то есть воспитание в человеке благоговейного отношения к Богу, Церкви и святыням. «Страх Божий всегда носи в своем сердце и любовь нелицемерную, и помни о смерти. Всегда соблюдай волю Божию и живи по заповедям Его», – наставляет автор. Человек должен был научиться жить так, «как будто икону писать», постоянно очищая душу.

– **Общественное и патриотическое воспитание:** Вторая задача вытекала из первой. Почитание Бога неразрывно связывалось с почитанием царя и власти. В знаменитой 7-й главе читаем: «Царя бойся и служи ему верою и всегда о нем Бога моли... Аще земному царю правдою служиши и боишися его: тако научишися и Небесного Царя боятися». Семья мыслилась как проекция государства: как во главе страны стоит царь, так во главе семьи – отец («государь»). Нарушение иерархии в доме считалось подрывом основ государственной власти. Служение Отечеству начиналось с послушания родителям и уважения к властям.

– **Трудовое воспитание и подготовка к жизни:** Третья задача заключалась в обучении профессиональным и хозяйственным навыкам. Детей («по детям смотря и по возрасту») следовало учить рукоделию и домашнему порядку, поскольку праздность считалась матерью всех пороков.

Воспитательные принципы и методы

Центральной фигурой воспитания выступал отец, который нес перед Богом и людьми личную ответственность за всех домочадцев. «Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таковых грехах и ответ им держать в день Страшного суда», – говорится в тексте. Ответственность эта была тотальной: отец отвечал как за духовное состояние, так и за материальное благополучие семьи.

Роль матери («сударыни») также была крайне высока: она являлась «делодержцем дому», хозяйкой, которая управляла всем бытом и воспитанием дочерей, создавая в доме тепло и уют. Идеальная жена по «Домострою» – это не безмолвная раба, а трудолюбивая помощница, «благая награда» мужу, ценящаяся «дороже камня многоценного».

К вопросу о **телесных наказаниях**. В массовом сознании «Домострой» часто ассоциируется с безжалостными побоями, однако исторический контекст сложнее. Безусловно, розга была обычным инструментом средневековой педагогики: «Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей». Однако «Домострой» вводит строгие ограничения на применение силы:

– Наказание должно быть следствием вины и служить воспитанию, а не жестокости: «смотря по вине и по делу, наказать и посечь».

– Телесное наказание рассматривалось как крайняя мера, когда слово уже не действует: «не насильем, не побоями, не рабством тяжким, а как детей».

– Важнейшее правило – наказав, тут же пожалеть, проявить милость: «а наказав, пожалеть». Гнев и личная злоба при этом исключались. Удар должен был наноситься с любовью, как «врачевство», спасающее душу от греха и «нравственной свободы», которая в те времена понималась как своеволие и вседозволенность.

Воспитательное значение и связь с патриотической традицией

Значение «Домостроя» выходит далеко за рамки XVI века. Этот свод правил стал основой национального воспитательного кода. Каковы основные уроки «Домостроя» для формирования патриотического сознания?

– **Формирование «онтологической» безопасности:** Книга создавала у человека чувство принадлежности к устойчивому миру. Жизнь была строго регламентирована – от молитвы до соления рыжиков, – что избавляло человека от мучительного выбора и давало опору. В этом космосе каждый знал свое место и свои обязанности.

– **Связь личного и государственного:** Патриотизм в «Домострое» не является абстрактным понятием. Он вырастает из конкретных дел: качественно выполненной работы, чистоты в доме, уважения к старшим и заботы о младших. Порядок в душе и в семье проецируется на порядок в стране. «Князю своему прийте всем сердцем... ни мыслите на ня зла», – этот призыв к лояльности власти был не просто политическим требованием, а частью религиозного долга.

– **Коллективизм и служение:** «Домострой» учил человека жить не для себя, а для семьи (рода), а через семью – для общества и государства. Личное благополучие было немислимо без благополучия «мира» – общины. Эта установка на соборность и приоритет общего над личным стала важнейшей чертой русского национального характера и основой служения Отечеству.

Таким образом, «Домострой» стал энциклопедией русской жизни, в которой вопросы воспитания детей и ведения хозяйства были неразрывно связаны с религиозной верой и государственным служением. Несмотря на архаичность некоторых его рекомендаций, он донёс до нас идеал крепкой, трудолюбивой и нравственно здоровой семьи как незыблемой основы крепкого и сильного государства.

1.3. Жития святых и почитание национальных героев: Александр Невский и Дмитрий Донской

Формирование патриотических идеалов в России неразрывно связано с православной традицией почитания святых – людей, чья жизнь и подвиги явили образец служения Богу, Отечеству и народу. В допетровской Руси, а затем и в императорский период, житийная литература (агиография) выполняла важнейшую воспитательную функцию, создавая те нравственные ориентиры, на которых взращивались поколения русских людей. Центральное место в этом пантеоне национальных героев по праву принадлежит святым благоверным князьям Александру Невскому и Дмитрию Донскому. Их почитание прошло долгий путь от местного церковного культа до общенационального символа защиты и служения России, вобрав в себя три ключевые составляющие русского патриотического сознания: **православную веру, самодержавную государственность и народный идеал героя-защитника**.

От князя-воина к святому заступнику: истоки почитания

Традиция почитания князей как святых уходит корнями в первые века русской истории. Однако если ранние князья-страстотерпцы Борис и Глеб были прославлены за добровольное принятие мученической кончины и непротивление убийцам как подражание Христу, то Александр Невский и Дмитрий Донской открывают новый тип святости – **святого правителя и защитника Отечества**. Их служение было деятельным: они не только защищали рубежи, но и созидали государство, жертвуя собой ради «земли Русской» и «веры христианской».

Почитание Александра Невского (1221—1263) началось сразу после его кончины. Погребение князя во Владимирском Рождественском монастыре сопровождалось чудом, описанном в «Повести о житии Александра Невского»: когда митрополит попытался вложить в руку усопшего разрешительную молитву, тот сам простер руку и принял грамоту. Летописец восклицает: «Кто не удивится чуду! Ведь тело его было мертво, и везли его из дальних краев в зимнее время. И так прославил Бог угодника своего». Это событие стало отправной точкой для сакрализации образа князя.

Агиографический образ как воспитательный идеал

Жития святых князей были не столько биографией в современном смысле, сколько иконой, словесным образом идеального правителя. Автор первой редакции Жития Александра Невского (конец XIII века) подчеркивает не столько исторические детали, сколько его благочестие, почтение к духовенству, заботу о строительстве храмов и принятие перед смертью «ангельского образа» – схимы. Акцент делался на духовном измерении его подвигов. Упоминания о борьбе с западными рыцарями и поездках в Орду служили фоном для главной мысли: князь – Божий избранник и защитник, на которого народ может надеяться как на небесного заступника.

Точно так же «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», созданное на рубеже XIV—XV веков, рисует образ князя, с юности возлюбившего Бога: «Еще юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вел... а с добродетельными всегда беседовал». Воспитанник митрополита Алексия и духовный сын преподобного Сергия Радонежского, Дмитрий Донской предстает в житии как правитель, сочетающий государственную мудрость с глубоким смирением и благочестием. Сама Куликовская битва подается как событие сакральное: князь отправляется на нее за благословением к Троице, а само сражение происходит в день Рождества Пресвятой Богородицы, что подчеркивает покровительство Небесных сил русскому воинству.

Эволюция культа в контексте государственного строительства

По мере возвышения Москвы почитание Александра Невского приобретает новое звучание. Он становится родовым святым династии московских князей (его младший сын Даниил –

родоначальник московского княжеского дома). В духовной грамоте московского князя Иоанна Калиты упоминается икона «Святой Александр», которую он завещает своему сыну. Это свидетельствует о том, что уже в XIV веке Александр Невский воспринимался как небесный покровитель рода.

Ключевым моментом в утверждении этого культа стало видение пономарю владимирского монастыря в ночь на 8 сентября 1380 года – именно тогда, когда войско Дмитрия Донского готовилось к битве с Мамаем. Согласно преданию, два старца подошли к гробу Александра и воззвали: «О господине Александре, возстани и ускори на помощь правнуку своему великому князю Дмитрию...». Так Александр Невский явился небесным покровителем своему потомку и всего русского воинства в решающей битве за освобождение от ордынского ига. Этот эпизод окончательно закрепил за ним статус небесного защитника России.

Общероссийское прославление обоих князей стало закономерным итогом формирования единого централизованного государства. На Соборе 1547 года по благословению митрополита Макария состоялась официальная канонизация Александра Невского. В эпоху Ивана Грозного он воспринимался уже не просто как удельный князь, а как великий предок, «гениальный государственный деятель», определявший стратегические интересы страны и имевший «право» бороться с Западом. Ссылаясь на него, Иван Грозный обосновывал свои притязания в Ливонской войне. Что касается Дмитрия Донского, его почитание, широко распространенное в народе и на фресках московских соборов он изображался с нимбом уже вскоре после кончины, однако официальная канонизация состоялась значительно позже, в 1988 году, что не умаляло его роли как национального героя и святого в народном сознании на протяжении веков.

Символ веры и единства: «За веру, царя и Отечество»

К XVII веку в народном сознании окончательно кристаллизуется та формула служения, которую впоследствии назовут «За веру, царя и Отечество». Исследователи отмечают, что истоки этой триады лежат именно в эпохе Куликовской битвы. В древнерусской «Задонщине» прямо говорится, что русские полки сражались «за землю Русскую, за веру христианскую, за обиду великого князя». Здесь вера (православие) и государь (олицетворяемый князем) сливаются воедино как объекты священной защиты.

Эта традиция получила свое развитие и в почитании героев более позднего времени, таких как Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. Памятник им на Красной площади, открытый в 1818 году, стал воплощением преемственности патриотического идеала. Скульптор И. Мартос изобразил Минина, указывающего князю Пожарскому на Кремль, призывая освободить его от врагов. Лаконичная надпись «Благодарная Россия» подчеркивала всенародный характер подвига, совершенного ради спасения державы и православной веры.

Вплоть до 1917 года почитание Александра Невского и Дмитрия Донского оставалось важнейшей частью государственной и народной жизни. В их честь возводились храмы, учреждались ордена, а в минуты опасности к их небесному заступничеству обращались правители и простые воины. Они стали не просто историческими личностями, а архетипическими образами, на которых веками строилась система патриотического воспитания в России, объединив в себе церковный идеал святости, государственный идеал служения и народную мечту о справедливом и мужественном защитнике родной земли.

Глава 2. Государственная идеология и воспитание подданных при первых Романовых

Глава 2.1. Идея «Москва – Третий Рим» в патриотическом воспитании

Введение

Идея «Москва – Третий Рим» занимает уникальное место в истории русского патриотического сознания. Зародившись в XVI веке как религиозно-философское обоснование преемственности власти московских государей от византийских императоров, она на протяжении столетий служила не просто политической доктриной, но и мощнейшим инструментом воспитания национального самосознания. Эта концепция органично соединила три ключевые основы патриотизма допетровской и имперской России: православную веру как духовный стержень, самодержавную власть как гарант независимости и идею служения Отечеству как высший нравственный долг.

2.1.1. Духовные и исторические истоки: от падения Византии к возвышению Москвы

Рождение идеи «Третьего Рима» стало ответом на тектонические изменения в православном мире середины XV века. В 1453 году под ударами турок-османов пал Константинополь – «Второй Рим» и центр восточного христианства. Еще бóльшим ударом для русского религиозного сознания стала Флорентийская уния (1439 год), когда греческое духовенство ради спасения своей гнущейся империи пошло на союз с католической церковью. На Руси это было воспринято как предательство истинной веры – «отступничество греков от Православия». Именно тогда Москва впервые осознала себя единственной хранительницей чистоты христианского учения. Митрополит-еретик Зосима в 1492 году впервые в литературной форме связал Москву с традицией Константина Великого, назвав великого князя Ивана III «новым царем Константином нового града Константина – Москвы».

Окончательное же оформление концепция получила в посланиях старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея к великому князю Василию III в первой половине XVI века. Знаменитая формула **«Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»** стала манифестом новой исторической миссии России. Воспринимая гибель Рима ветхого (католического) и Рима нового (захваченного турками Константинополя) как Божий промысел за грехи, Филофей возлагал на московского государя колоссальную духовную ответственность. В патриотическом воспитании эта идея работала как мощный механизм идентификации: русский человек переставал быть жителем отдельного княжества, он становился частью вселенского православного царства – **«Святой Руси»**, хранящей веру до Второго пришествия.

2.1.2. Символы и смыслы: формирование патриотического канона

Для того чтобы идея стала частью народного воспитания, она должна быть воплощена в зримых символах и обрядах. В XVI веке происходит стремительное «оформление» доктрины Третьего Рима в государственной символике, которая становилась наглядным учебником патриотизма для подданных.

Наиболее ярким шагом стало принятие Иваном III византийского герба – **двуглавого орла**. Женитьба на Софье (Зое) Палеолог, племяннице последнего византийского императора, позволила московским князьям считать себя не просто преемниками, а прямыми наследниками династии. Для подданных это означало, что государь получил власть от самих императоров, чья держава пала, но чья священная миссия перешла к Москве.

Параллельно формировались литературные и исторические памятники, которые становились основой для чтения и образования. «Сказание о князьях Владимирских» обосновывало происхождение Рюриковичей от римского императора Августа, укрепляя престиж династии. Одновременно церковь вносила свой вклад: составление житий святых, общерусская канонизация подвижников веры создавали пантеон героев, на примерах которых воспитывалось молодое поколение. Как отмечают исследователи, патриотизм на этом этапе приобретает «общенациональную окраску», а образ защитника родной земли неразрывно связывается с защитой веры.

2.1.3. Эволюция идеи в имперский период (XVIII – начало XX века)

С переносом столицы в Санкт-Петербург при Петре I значение концепции «Москва – Третий Рим» в официальной идеологии несколько снизилось, уступив место имперским западноевропейским моделям. Однако идея не исчезла, а трансформировалась, уйдя в более глубокие слои народного сознания и общественной мысли.

Новый всплеск интереса к доктрине пришелся на XIX век, особенно в эпоху правления Николая I и позже, в период славянофильства. После победы над Наполеоном и осознания своей особой роли в Европе, русское общество вновь обратилось к истокам. Крымская война (1853—1856), вскрывшая противоречия между Россией и Западом, сделала идею «Третьего Рима» востребованной в публицистике.

На страницах журнала «Русская беседа» (1856—1860) такие мыслители, как **Алексей Хомяков**, активно развивали тему божественной миссии России и ее контраста с «гниющим» Западом. В этот период концепция используется уже не только для воспитания религиозного чувства, но и для обоснования **панславизма** – идеи объединения всех славянских народов под эгидой России как защитницы от османского и австрийского гнета. Патриотизм приобретает новое измерение: быть патриотом теперь означало не только защищать свою землю, но и осознавать ответственность за судьбы «братьев-славян», за освобождение Константинополя – «Царьграда», который в народных чаяниях по-прежнему оставался законной целью русского воинства.

К началу XX века концепция «Третьего Рима» прочно вошла в арсенал воспитательных средств. Она звучала в проповедях церкви, обсуждалась на страницах консервативной печати и преподавалась в гимназиях в контексте истории русской мысли. Воспитание патриота, по мнению идеологов того времени, должно было проходить под знаком осознания величия своей страны как последнего оплота православных ценностей в мире. Философы и историки, однако, предупреждали о подмене духовного содержания государственным формализмом, что впоследствии стало одной из причин духовного кризиса начала XX века.

Глава 2.2. Значение Стоглавого собора (1551 г.) и развитие образования при монастырях

Укрепление Русского централизованного государства в XVI веке требовало не только военной мощи и единых законов, но и формирования духовно-нравственных основ общества. В этот период, когда самодержавие и Православная Церковь выступали главными объединяющими силами, вопросы просвещения и воспитания верных подданных стали важнейшей государственной задачей. Ключевую роль в этом процессе сыграл Стоглавый собор 1551 года, который заложил прочный фундамент для развития образования на религиозно-государственной основе.

Стоглавый собор: утверждение идеи служения через просвещение

Зимой 1551 года в Москве под председательством царя Ивана IV и митрополита Макария собрался церковный собор, вошедший в историю как Стоглавый – по количеству глав в сборнике его решений. Это был не просто внутрицерковный форум, а важнейшее государственно-церковное совещание, призванное упорядочить жизнь страны после эпохи боярского правления. Молодой царь, искренне стремившийся к идеалу «Святой Руси», видел в Церкви главную силу для воспитания общества.

Одной из острейших проблем, осознаваемой и светской, и духовной властью, была низкая образованность духовенства и, как следствие, падение нравственности среди народа. Распространение ересей, сохранение языческих обрядов и небрежное отношение к богослужению коренились в невежестве. Как отмечалось на соборе, многие священники и дьяконы были «не горазди грамоте», из-за чего не могли достойно исполнять свои обязанности и учить паству.

Стоглавый собор принял историческое решение, которое напрямую связало христианское благочестие с грамотностью. 25-я глава «Стоглава» предписывала: в домах «добрых духовных священников, и дьяконов, и дьяков, женатых и благочестивых... имущих в сердцах страх Божий, могущих иных пользоваться, и грамоте и чести и писати горазди» открывать училища для обучения детей. Таким образом, собор не просто санкционировал создание школ, но и утвердил **образ учителя как носителя высокого нравственного начала**. Учитель, согласно решениям собора, должен был быть не просто наставником в грамоте, но и примером благочестивой жизни, а образование становилось делом церковным и государственным, направленным на воспитание достойного члена общества и Церкви.

Решения Стоглавого собора имели колоссальное значение для патриотического воспитания. Они утверждали идею **религиозно-государственного единства**, где служение Богу неразрывно связано со служением Отечеству и государю. Церковь брала на себя ответственность за просвещение народа, а государство гарантировало ей поддержку в этом деле. Это создало условия для формирования человека, для которого православная вера и верность государю были естественными основами мировоззрения.

Монастыри как оплоты книжности и училища благочестия

Решения Стоглавого собора не возникли на пустом месте – они опирались на уже существовавшую и глубокую традицию монастырского просвещения. Долгое время именно монастыри были главными центрами книжности и образования на Руси. Еще в Киеве, Новгороде и других древних городах монастыри открывали школы «книжного учения». Эта традиция, прерванная монгольским нашествием, начала активно возрождаться с возвышением Москвы.

В XVI—XVII веках крупнейшие обители – Троице-Сергиев, Чудов, Спасо-Андроников, Симонов монастыри в Москве, Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри на севере – становятся подлинными центрами духовного просвещения. Здесь не только переписывали книги и вели летописи, но и обучали грамоте послушников, а иногда и мирян. Монастырское

образование коренным образом отличалось от простого обучения грамоте у частных «мастеров». Оно было неотделимо от **духовного окормления и воспитания**.

Ученики жили в атмосфере молитвы и труда, приобщаясь к многовековой традиции монашеской жизни. Сама жизнь обители с ее строгим уставом, примерами подвижничества и почитанием святых воспитывала в человеке чувство благоговения, ответственности и любви к небесному и земному Отечеству. Почитание национальных святых, чьи мощи покоились в монастырских стенах – Александра Невского, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких, – формировало историческую память и чувство причастности к судьбам страны. Молитва у раки с мощами перед началом учения была не просто традицией, а важнейшим элементом воспитания, испрашиванием благословения на постижение премудрости Божией.

От монастырских школ – к государственной академии

Развитие образования в монастырях подготовило почву для возникновения школ более высокого уровня. Во второй половине XVII века, когда Россия все более ощущала необходимость в систематическом образовании, именно при монастырях открываются первые греко-латинские школы.

– В **1648 году** боярин Ф. М. Ртищев основал школу при Андреевском монастыре, куда пригласил киевских ученых старцев для перевода книг и обучения молодежи «славянским и греческим словесным наукам».

– В **1665 году** при Заиконоспасском монастыре (впоследствии там разместится академия) Симеон Полоцкий открыл школу для обучения подьячих латинскому и русскому языкам.

– Эти начинания завершились созданием в **1687 году** Славяно-греко-латинской академии – первого высшего учебного заведения в Москве, разместившегося в стенах Заиконоспасского монастыря. Академия стала кузницей кадров не только для Церкви, но и для государства. Ее выпускники становились переводчиками, дипломатами, чиновниками, а впоследствии – учеными (достаточно вспомнить М. В. Ломоносова). Здесь изучали грамматику, риторику, философию, богословие, языки, и целью обучения было не просто накопление знаний, а воспитание личности, способной служить на высоких постах «к пользе и славе Отечества».

Таким образом, решения Стоглавого собора дали мощный импульс развитию образования, а монастыри стали той средой, где это образование обретало свои духовные и нравственные смыслы. Заложённая в XVI веке традиция, согласно которой учение невозможно без воспитания, а вера и знание должны служить укреплению Отечества, стала основой российской педагогической школы на столетия вперед.

Глава 2.3. Славяно-греко-латинская академия как первый центр духовно-нравственного и патриотического просвещения

Становление системы патриотического воспитания в России невозможно рассматривать в отрыве от развития просвещения и образования. Именно школа, будучи транслятором знаний и культурных норм, формирует мировоззрение молодого поколения, закладывая в нем основы гражданственности и любви к Отечеству. В этом контексте особое место в отечественной истории принадлежит Славяно-греко-латинской академии – первому высшему учебному заведению в России, которое с момента своего основания в 1687 году стало не только центром богословской и филологической науки, но и подлинным очагом духовно-нравственного и патриотического просвещения.

Исторический контекст и предпосылки создания

Идея создания в Москве высшего училища, способного готовить образованные кадры для государства и Церкви, назревала во второй половине XVII века. Это время было ознаменовано стремлением России преодолеть культурную изоляцию и укрепить свои позиции на международной арене, опираясь на собственные православные традиции и одновременно учитывая необходимость диалога с западным миром. Значительную роль в продвижении этой идеи сыграл выдающийся просветитель и поэт Симеон Полоцкий, который в 1682 году составил «Академическую привилегию» – учредительную грамоту, определившую задачи, содержание и права будущей академии. Замысел Полоцкого состоял в создании учебного заведения, которое по своему статусу могло бы сравниться с западноевропейскими университетами, но при этом оставалось бы оплотом православной веры. Именно эта установка – синтез высокой образованности и преданности духовным и государственным идеалам – и определила патриотическую миссию академии.

Образовательная программа как основа воспитания

Официальное открытие академии, первоначально называвшейся Эллино-греческой, состоялось в 1687 году в стенах Заиконоспасского монастыря на Никольской улице. Первыми преподавателями и организаторами учебного процесса стали ученые греческие иеромонахи – братья Иоанникий и Софроний Лихуды, выпускники Падуанского университета. Ими была разработана уникальная программа, построенная по образцу европейских университетов, но с учетом потребностей России. Обучение, рассчитанное на 12 лет и более, делилось на несколько уровней, или «школ». На низших ступенях изучали славянскую и греческую грамматику, латынь, катехизис, историю и географию. В средних классах – пиитику (стихосложение) и риторику, что было призвано развивать навыки красноречия и формировать культуру речи. Высший уровень включал изучение философии и богословия.

Такая структура имела глубокий воспитательный смысл. Изучение «семи свободных искусств» (грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, астрономии, музыки) служило не просто накоплению знаний, а гармоничному развитию личности. Особое внимание к греческому языку и культуре диктовалось задачей сохранения чистоты православия, поскольку Греция воспринималась как его источник. В то же время, в программу входило и «учение правосудия духовного и мирского», что напрямую готовило воспитанников к служению государству, формируя у них понимание законов и справедливости как основы общественного порядка. Таким образом, в стенах академии органично соединялись светские и духовные знания, что позволяло готовить не просто начетчиков, а всесторонне образованных людей, способных мыслить самостоятельно и служить на благо Родины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.